

Сергей Арьков

Влад Хельсинг

16+

Сергей Арьков
Влад Хельсинг

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арьков С. А.

Влад Хельсинг / С. А. Арьков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Напрасно Владик думал, что все самое ужасное с ним уже случилось. Новый сюрприз от зомби-апокалипсиса доведет его до седых волос.

Содержание

1	5
2	10
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

1

Мерзкий докучливый дождик моросил третий день кряду. Он стабильно, в одном умеренном темпе, изливался с затянутых темными тучами небес, и, казалось, ему не будет ни конца, ни края. Прелести замечательной осенней погоде добавлял ветер. Холодный, неприятный ветер, который по какой-то неведомой причине всегда дул только в лицо. Это было невероятно, но это было так. Когда Владик шел в сарай за углем, ветер бросал ему в лицо холодные капли дождя, а его порывы едва не срывали с программиста куртку. Когда Владик шел из сарая, с полным ведром угля, ветер проделывал все то же самое – дул в лицо и норовил сорвать одежду. Несчастный программист даже начал подозревать, что это не просто ветер. Он послан темными силами, чтобы доканывать лично его. Как будто ему, многострадальному, и без того мало мучений.

Главный источник его мучений, горестей и слез размещался в доме. Источник лежал на кровати, под целым ворохом одеял, высунув наружу только злое бородатое лицо. Нос источника был красным и опухшим, вокруг кровати валялись использованные салфетки, в которые источник поминутно сморкался, делая это с таким страшным трубным звуком, что Владик всякий раз невольно вздрагивал, слыша его. Казалось, то не человек выдувает из ноздрей соплю, то трубит пятый ангел, предвещающая скорое наступление конца света со всеми сопутствующими ему ужасами. Эта иерихонская труба гудела непрерывно в течение дня, и Владик не переставал удивляться тому, как человеческий нос способен исторгать из себя столь громкие и зловещие звуки.

В соседней комнате, под таким же ворохом теплых одеял, лежала красноносая Машка, и тоже поминутно сморкалась. Делала она это, конечно, не так эпично, как Цент – ее нос не гремел, подобно грому небесному, а исторгал из себя вязкую субстанцию с тихим чавкающим звуком, которого Владик почти не слышал.

Еще эти двое постоянно чихали. Машка чихала громко и пронзительно, с каким-то лающим звуком. Первые раз сто Владик стабильно бегал желать возлюбленной крепкого здоровья, но потом надоело. У него уже язык отсох от пожеланий, а Машка здоровее не стала, продолжая звонко чихать примерно раз в десять минут.

А вот Цент, вот он чихал, так чихал. Это был не чих, это был выстрел крупнокалиберной гаубицы. Вначале звучало раскатистое и громкое – аааа... Звук был жуткий. С таким звуком Харибда могла разверзть свою безразмерную пасть. А за ним следовало резкое – пчи! И после этого звука Владика всякий раз представлялась огромная пушка, выплевывающая в сторону вражеских позиций многотонный снаряд. Большая и злобная Берта стреляла примерно раз в двадцать минут, и после каждого чиха хриплым голосом исторгала из себя поток площадной брани. А затем на всю избу гремел сердитый зов:

– Прыщавый!

И Владик, бросив все дела и сорвавшись с места, тут же бежал к постели больного.

Всякий раз, подходя к ложу Цента, Владик чувствовал себя красной шапочкой, которая внезапно поняла – там, под ворохом одеял, совсем не бабушка. И даже не дедушка. Там зло. И нет никакого смысла спрашивать, зачем злу нужны такие злобные глаза, такие острые зубы, такие сильные руки. Ясно без слов – зачем. Для злодейств.

Цент непрерывно требовал от него то того, то другого. Владик сорок раз на дню приносил ему в постель горячий чай с вареньем. Однажды слуга замешкался, и доставленный чай оказался не горячим, а теплым. Тогда из-под одеял высунулась рука, огромная рука, темно-синяя от густо покрывающих ее татуировок, и поманила Владика к себе. А когда тот подался вперед, широкая ладонь Цента стремительно сформировала кулак, и уже через мгновение Вла-

дик почувствовал себя Гагариным – вокруг него вспыхнули мириады ярких звезд. А рядом прогремел демонический голос из центра управления терзаниями:

– Еще раз принесешь мне такие помои, и я подселю тебя к Ивашке. Христом-богом клянусь – прямо к нему и отправлю!

– Я больше не буду, – промямлил Владик, когда большая часть звезд вокруг него погасла, и он вернулся из нокаута в реальный мир.

– Уж постарайся! А теперь живо принеси мне чаю! Даю на это целых пять минут. Не уложишься, отправишься к Ивашке.

Владик уложился, потому что к Ивашке ему ну совсем не хотелось. Во-первых, потому что характер у Ивашки был очень скверный. А во-вторых, потому что Ивашка уже давно пребывал в неживом, но удручающе активном состоянии.

Жил, а точнее – мер Ивашка в погребе. Погреб тот располагался на самом краю подворья, рядом с ветхим, покосившимся набок сараем, где догнивали свой век какие-то доски, ящики и вышедший из строя сельскохозяйственный инвентарь. В погребе, помимо самого Ивашки, не было ничего, только на самом дне зловонным слоем раскинулась гнилая картошка. Владик выяснил это лично, когда, по приказу Цента, исследовал погреб. Ивашки там тогда еще не было, а вот лестница была. Старая лестница, деревянная, очень ненадежная. Давно уж она отслужила свое. И когда Владик ступил на нее, лестница взяла и развалилась под ним. Ох и летел тогда Владик, ох и кричал. К счастью, слой гнилого картофеля немного смягчил его падение. Владик не пострадал. Но стоящий наверху Цент счел неправильным, что Владик не страдает. И он заставил его страдать. Захлопнул крышку погреба, и ушел по своим делам. Владик остался один в темном подземелье. Ужас, объявивший его, трудно описать. Страдалец кричал и плакал, а самому, тем временем, чудилось, что кто-то скребется в стены погреба, кто-то извне пытается проникнуть внутрь, к нему. У этого кого-то острые когти, огромные клыки, и смердящее мертвечиной дыхание. Богатое воображение тут же нарисовало образ подземного монстра, и Владик едва не удобрил штаны под напором нахлынувшего ужаса.

Цент вернулся только через час. К этому времени Владик едва не сошел с ума, сидя во тьме и хладе, и слыша всевозможные шорохи и скрипы, замогильные стоны и злое рычание. Когда же распахнулась крышка, и Цент, помедлив, спустил вниз принесенную лестницу, Владик, выбравшись на поверхность, упал перед терзателем на колени и слезно благодарил его за спасение.

Поскольку в погребе не оказалось ничего интересного, он так и остался бы без дела, если бы к ним на подворье однажды не заглянул юный зомби лет восемнадцати. Владик, видя вползающего в калитку монстра, поднял такой крик, что на него прибежали и Цент, и Машка, которые до этого спокойно лежали в своих кроватях с температурой. Увидев источник переполоха, Цент так разозлился, что едва не решил скормить Владика мертвецам.

– Я тебе ружье дал? – спрашивал он грозно.

– Дал, – пискнул Владик, одним глазом следя за мертвецом, который все никак не мог преодолеть калитку, тупо тыкаясь непослушным телом в края забора.

– Что еще тебе дать, чтобы ты обрел хоть какую-то самостоятельность? – спросил Цент. – Это же всего лишь один дохляк. Один! А ты даже с ним не можешь справиться.

После чего Цент взял прислоненные к стене вилы, всадил их зубья в тухлое тело мертвеца, оттащил его к погребу и сбросил внутрь.

– Зачем? – спросила Машка, обильно сморкаясь в салфетку.

– Это страховка, – пояснил Цент.

– Страховка от чего?

– От вопиющей бесполезности Владика. Если он продолжит печалить меня своим отвратительным поведением, я сброшу его к Ивашке.

– А Ивашка, это кто?

- Тот дохляк в погребе.
- С чего ты взял, что его так зовут?
- Догадался.

Тут Цент повернулся к Владу, и злобно прорычал:

– Слышал, прыщавый? Не исправишься, подселю к Ивашке. Вы с ним поладите. Только вначале он перегрызет тебе глотку, а потом да, поладите.

Так что к Ивашке Владика совершенно не тянуло. А в том, что Цент сгоряча может сделать с ним все, что угодно, в том числе и сбросить в погреб к мертвецу, он не сомневался.

Дабы не оказаться в компании Ивашки, Владу приходилось самоотверженно исполнять все пожелания занемогшего изверга из девяностых, а тем не было конца-края. Цент постоянно что-то требовал. В этом плане он был хуже маленького капризного ребенка. Хуже тем, что ребенок маленький, и самое большее, на что он способен, это истошно орать и сучить ножками и ручками. Цент же был огромен, и когда его ножки и ручки приходили в движение, Владик стремительно покрывался синяками.

Целыми днями Владик обслуживал гриппозного садиста и Машку. Он непрерывно готовил чай, делал бутерброды с вареньем, варил суп из тушенки, подносил новые салфетки и убирал старые, поправлял подушки, одеяла, проветривал помещение, дабы в нем не скапливались микробы, и топил печку, чтобы у хворых соратников не приключилось осложнение. С раннего утра и до позднего вечера он не имел ни минуты покоя. Едва его измученный зад опускался на стул, как тут же тишину избы нарушал властный крик Цента.

– Очкарик! – орал он. – Поправь подушку.

Владик шел и поправлял. И всякий раз, вместо благодарности за труды, выслушивал острую и несправедливую критику в свой адрес. Цент обвинял его в лени, в нерасторопности, в том, что приготовленные им блюда не содержат в себе душу. Машка в этом плане была менее капризна, и в первое время Владу даже нравилось ухаживать за безответной возлюбленной. Но вскоре и это дело превратилось в изматывающую рутину, не приносящую никакого удовольствия.

Одним бесконечным прислуживанием дело не ограничивалось. Владу подчас приходилось совершать дела рискованные и даже прямо опасные. Так однажды Цент в ультимативной форме потребовал малинового варенья. Так и сказал:

– Или достань мне малинового варенья, или сегодня ты ночуешь у Ивашки.

Проблема заключалась в том, что как раз малинового-то варенья в погребе под их домом и не было. Там было вишневое варенье, абрикосовое варенье, три баночки клубничного варенья. Малинового варенья не было. Владик это выяснил досконально, обшарив весь погреб с фонариком, проверив каждую банку на каждой полке.

О том, что малинового варенья нет, он честно сообщил Центу. Тот мощно высморкался, бросил во Владика скомканную салфетку, полную болезнетворных микробов, и дал своему слуге дельный совет:

– Если нет здесь, посмотри у соседей.

Владик невольно вздрогнул.

– У соседей? – уточнил он на всякий случай. – То есть, ты хочешь, чтобы я пошел...

– Когда я захочу, чтобы ты пошел, я тебя пошлю. И укажу конкретный адрес. А сейчас я хочу малинового варенья. Или я сегодня его получу, или у Ивашки будет плотный ужин.

Понимая, что спорить бесполезно и опасно, Владик отправился на поиски малинового варенья.

Дом, который они облюбовали, стоял на краю деревни. Вообще-то они не имели привычки обосновываться в населенных пунктах, но в этот раз пришлось сделать исключение. Внезапно наступившая осень подорвала здоровье коллектива. Первым занедужил Цент. Владик считал, что виной всему холодное пиво, которое бывший браток поглощал ведрами, но

сам Цент уверял, что его сглазили. Он не уточнял, кого винит в совершенном сглазе, но Владик видел, как терзатель косится на него, и догадался – он числится первым номером в списке подозреваемых.

Вслед за чихающим и кашляющим Центом заболела и Машка. У обоих поднялась температура, чувствовали они себя скверно. Цент пошел на отчаянные меры – ввел в организм пять стаканов чистого медицинского спирта. Не помогло. Стало ясно, что болезнь серьезна, и переносить ее на ногах чистой воды самоубийство. Да и ноги уже толком не держали. Поэтому пришлось бросить якорь в подвернувшейся на пути деревне, которая оказалась практически пустой. Дюжину зомби, что сбежались поприветствовать городских, Цент с Машкой оперативно утилизировали, побросав их мелко нарубленные останки в колодец. Конечно, это было не все население деревни, и приблудившийся позже Ивашка служил тому наглядным свидетельством. Но если мертвецы тут и водились, они сидели по домам и не беспокоили приезжих.

В выбранном ими доме они организовали временный лагерь. Цент и Машка, лежа под теплыми одеялами, интенсивно выздоравливали, Владик, сбиваясь с ног, обслуживал капризных пациентов. Сам он так и не заболел, хотя Цент много раз чихал ему прямо в лицо, как случайно, так и целенаправленно, окатывая всю физиономию градом гриппозной слюны. Судя по всему, причиной тому была невыносимая луковая диета, которая продолжалась уже четвертую неделю. Волей злобного Цента Владик питался практически одним только луком. Иногда, правда, удавалось урвать что-то другое, но делать это приходилось тайно, стараясь не попасться на глаза извергу.

Владик, конечно, был рад, что иммунитет его окреп настолько, что его теперь не берет никакая зараза, но он скорее предпочел бы грипповать со всеми и питаться тушенкой, чем быть здоровеньким и давиться ненавистным луком.

Вылазка за малиновым вареньем оказалась сродни аттракциону ужасов, с той лишь разницей, что монстры были настоящие, и съесть они его пытались на полном серьезе. Сначала за Владиком гнался тухлый дед, страшный, жуткий, с жадно клацающими челюстями, потом он подвергся нападению бабки, а кончилось все тем, что появилась несвежая внучка, и едва не откусила ему нос. Вся операция продолжалась от силы минут тридцать, но за эти жалкие полчаса Владик постарел на десять лет. Баночка малинового варенья стоила ему целого клока седых волос на голове.

Когда же он подал с таким трудом добытое варенье Центу, тот, откушав ложечку, заявил, что малина – редкостная дрянь, и приказал убрать эту гадость с его глаз. Машка тоже не захотела малинки. Тогда Владик сам решил полакомиться ею. Лакомился глубокой ночью, когда все спали. Он не мог допустить, чтобы Цент застал его за поеданием чего-либо, кроме лука, поскольку, в этом случае, его ждала бы суровая кара.

И вот, убедившись, что все спят, Владик, не зажигая света, на ощупь зачерпнул варенье, съел одну ложку, и понял, что оно ему не нравится. Он едва не расстался с жизнью, добывая никому не нужное лакомство.

Уже неделю они торчали в деревне. Пища, пиво и салфетки были на исходе, а Цент и Машка даже не думали выздоравливать. Владик, с одной стороны, был рад, что они хоть на какое-то время осели на одном месте, ибо устал от бесконечных и опасных странствий. Но, в то же время, он дико вымотался, ухаживая за капризными и неблагодарными больными. Даже ночами они не давали ему покоя – постоянно будили, и чего-то требовали: то подбросить угля в печку, то подоткнуть одеяло, то почитать книжку, ибо не спится. Читать себе среди ночи требовал Цент. И книжку нашел подходящую. Книжку ужасов, о зверских и кровавых ритуалах коренных народов южноамериканского континента. У Владика кровь стыла в жилах, когда он вслух читал о массовых человеческих жертвоприношениях, а Цент лежал под пятью одеялами, слушал его и сладко улыбался. Наверное, представлял себе, что попал туда, в этот

восхитительный мир жестокости и ужаса. О, его бы встретили там как родного. Возможно, даже назначили бы верховным жрецом.

Владик представил себе Цента в набедренной повязке и в головном уборе из пестрых перьев, с вытатуированным профилем Кетцалькоатля на груди и ступенчатыми пирамидами на волосатом пузе. Цент пляшет на вершине храма под русский шансон, а слуги ведут к нему на заклятие бесчисленную вереницу программистов. В одной руке у Цента обсидиановый нож, коим он вырезает сердца, в другой обсидиановый паяльник, коим он запекает зады.

Жуткое видение заставило Владика вздрогнуть, и он едва не уронил книгу страшных сказок.

В общем, даже в состоянии оседлости Владика после зомби-апокалипсиса жилось несладко.

В этот день, как и во все прочие, он старательно шел по стопам золушки, а вместо прекрасного принца получил от Цента оплеуху за слишком жидкий суп.

– Суп, Владик, едят, – рычал на него неблагодарный изверг. – А то, что ты сварил, можно только пить.

– У нас осталось мало продуктов, – пискнул покорный слуга в свое оправдание.

– Интересно, куда они делись? – проворчал Цент, и с великим подозрением посмотрел на Владика. Взгляд этот как бы говорил – уж не ты ли, паразит, все и сожрал?

Выхлебав суп, Цент бросил слуге тарелку, и приказал:

– Поставь чайник. Суп твой – дрянь полнейшая. Его отвратительный вкус нужно чем-то перебить.

Владик вернулся на кухню, взял старый алюминиевый чайник, откинул крышку фляги, и онемел от ужаса. Вода! Он совсем о ней забыл. Во фляге еще оставалось немного жидкости, как раз наполнить чайник, но что он будет делать, если Цент захочет пить среди ночи? А он ведь захочет. Обязательно захочет. И много раз.

Ублажая хворых спутников, Владик так закружился, что забыл сегодня сходить за водой. Он выглянул в окно, и вздрогнул – там уже начало темнеть. А с учетом пасмурной погоды, сумерки нагрянут быстрее, чем он успеет опомниться.

Владик быстро поставил чайник на плиту, схватил две пластиковые канистры, алюминиевый ковшник, и выбежал в прихожую. Здесь обулся, набросил на себя куртку с капюшоном, и, чуть помешкав, протянул руку к лежащему на столе заряженному дробовику. Коснулся холодного металла ствола, и вздрогнул. Ужас липкими холодными щупальцами пополз в его душу, и Владик едва не разрыдался.

Ему не больно-то нравилось быть домработницей, стряпать, убирать, стирать и мыть посуду. Но была одна обязанность в его обширном служебном арсенале, которая всякий раз давалась ему с огромным трудом. Обязанность, которую он боялся больше, чем гнева Цента. Обязанность, состоящая в ежедневном походе за водой.

2

Владик никогда бы не смог подумать, что такое невинное и обыденное занятие, как поход за водой, может оказаться настолько ужасным и пугающим делом. В прежней жизни, еще до конца света, вода текла из крана, и за ней не нужно было куда-то ходить. В процессе странствий они добывали воду либо в бутылках на полках магазинов, либо в колонках, попадающихся по пути. Но вот в этой деревне с водой оказалось неожиданно туго. Водопровода здесь, разумеется, не было, да и будь он, то едва ли система водоснабжения функционировала. Колонка была, но воду оттуда выкачивал электрический насос. Был еще колодец, но Цент и Машка в первый же день пребывания в населенном пункте побросали туда порубленных ими мертвецов.

В итоге, в распоряжении Владика остался единственный источник питьевой воды – родник.

И, опять же, казалось бы – что тут такого? Сходить к роднику и принести воды, это, по существу, плевое дело, за которое едва ли стоит требовать медалей и почетных грамот. Ну, возможно, имейся в виду какой-то иной родник, так бы все и обстояло. Но применительно конкретно к этому роднику, Владик полагал, что и медали и почетные грамоты ему вполне себе полагаются. Впрочем, он с радостью обменял бы все эти бирюльки и бумажки на тушенку и печень трески.

Накинув на голову капюшон куртки, Владик, с дробовиком на плече и с двумя канистрами в руках, вышел во двор и спустился с крыльца. Из дальнего погреба донесся приглушенный вой – то затянул свою зловещую песню Ивашка-нежить. Владика при одном звуке сего зауспокойного песнопения бросило в дрожь. Он категорически не одобрял содержание мертвецов в качестве домашней живности. И пусть Ивашка сидел в глубоком погребе, откуда он никак не мог выбраться, легче от этого не становилось. Владика было страшно просто из-за одного того факта, что рядом, буквально в двух шагах от дома, в яме сидит мертвец. Присутствие этого существа не давало Владика спокойно спать по ночам. Стоило старому дому издать какой-нибудь скрип, как Владик в страхе вскакивал с постели, разбрызгивая трусливый пот и задыхаясь от ужаса. Ему чудилось, что во тьме к нему медленно подбирается просроченный Ивашка. Иногда воображение подбрасывало дивные картины – Владик спит, весь такой беспечный, а над его сопящим телом стоит чудовище с выгнившими глазами и губами, с провалившимся внутрь черепа носом, черное и страшное, источающее могильное зловоние. Это Ивашка вылез из своего погреба, и явился перекусить. Не ведая, что поздние ужины плохо сказываются на фигуре, мертвец нависает над мирно спящим Владиком, развешивает свою пасть, полную черных гнилых зубов, и со смачным чавканьем впивается в сочную плоть жертвы.

Нафантазив себе такого на сон грядущий, Владик потом полночи лежал с вытаращенными от ужаса глазами, прислушиваясь к каждому шороху и скрипу. А когда однажды он услышал во тьме зловещей быстрый топот крошечных ножек, то разразился таким неистовым криком, что разбудил и напугал всех домочадцев. Цент с перепуга решил, что силы ада пришли по его душу, и, не успев продрать глаза, открыл огонь из пистолета, который прятал под подушкой. Когда же, после всеобщего переполоха, выяснилось, что причиной паники была крошечная мышка, Владик подвергся суровому наказанию. Цент легко изловил грызуна, который бестолково метался по комнате, протянул пищащий комочек шерсти Владика, и приказал сатанинским гласом:

- Ешь!
- Мышку? – ужаснулся бледный и потный от пережитого ужаса программист.
- Да, ее.
- Но она же сырая. И живая.

– Или ты ешь мышку, или тебя ест Ивашка. И поверь, его не смутит, что ты живой и местами сырой.

Владик схватил мышку и сунул ее в свой рот. Куснул два раза, после чего бросился из избы во двор, где его долго и яростно рвало частично переваренным луком.

В том, что ему повсюду мерещатся монстры, Владик винил свою расшатанную нервную систему. И, конечно, присутствие поблизости тухлого Ивашки ей на пользу не шло.

Дождь, как будто, слегка прибавил интенсивности, сильный холодный ветер зловеще завывал в кронах деревьев. Ивашка вторил ему из погреба, чуя приближение ночи. А по ночам зомби любили выть. Не все, но многие из них. И от этого воя волосы вставали дыбом.

Владик миновал подворье, и быстро засеменял по узкой тропинке мимо длинного огорода. В ясную погоду, случись она, сельский пейзаж, вероятно, выглядел бы вполне мирно и местами живописно, но сейчас, в сгущающихся сумерках, он производил пугающее впечатление. Пышные заросли лопуха ужасали – под огромными зелеными листьями вполне мог притаиться мертвец, выжидающий, когда рядом с его логовом пройдет беспечная добыча. Куча навоза, заросшая высокой крапивой, ввергала в трепет – Владика все время казалось, что под слоем навоза таится чудовище. Таится и выжидает удобного момента.

Над головой клубились низкие тяжелые тучи, ветер то и дело срывал с головы капюшон. Гнусный дождик превратил тропинку в грязевое месиво, и Владик, глянув на свои кроссовки, успевшие густо покрыться черноземом, запоздало пожалел, что не надел вместо них резиновые сапоги. Вероятно, он пожалеет об этом еще сильнее, когда придется спускаться к роднику.

Родник! Владик содрогнулся от ужаса и резко остановился. Живот скрутило кишечным спазмом, колени ослабли, и он едва не повернул обратно. Цент, конечно, будет в ярости, если ночью не получит своего чая. Вероятно, побьет. Может вновь заставить съесть какую-нибудь гадость. Но Владик придерживался того мнения, что лучше быть битым и вкушать живых мышей, чем не быть вовсе.

И все же он постарался взять себя в руки, изо всех сил пытаясь убедить себя в том, что его страхи, в данном случае, носят иррациональную природу. Пожалуй, так оно и было. После зомби-апокалипсиса в мире появилось немало того, чего стоило бояться на самом деле. А то, чем ужасал его родник, к их числу не относилось.

Об этом, во всяком случае, ему твердил здравый смысл. И Владик даже верил ему. Верил, пока не наставала пора идти к роднику за водой.

Он вновь побрел вперед, медленно, будто человек, восходящий на эшафот. Капли дождя барабанили по поверхности куртки, под ногами противно хлюпала холодная грязь. Тропинка вела его вниз по пологому склону, мимо бесконечно длинных огородов, на дальнем конце которых маячила стена деревьев. Там-то, в ложбине, и располагался родник. Но не он пугал Владика, и не густые заросли деревьев, куда ему приходилось каждый раз спускаться по крутому скользкому склону. Ему внушало ужас то, что находилось за ложбиной.

Владик увидел это, когда впервые пошел за водой к роднику. Вначале ему показалось, что над деревьями возвышается какая-то старая башня, и лишь присмотревшись, он понял, что это церковь. Точнее, руины церкви. Купол то ли демонтировали, то ли он рухнул сам, осталась торчать только голая колокольня, которая с большого расстояния казалась грязно-серой.

В первый раз Владик не придавал этим руинам большого значения. В конце концов, ну что тут такого – руины церкви? Как будто мало их на просторах отчизны. Он много раз видел их, пока они втроем мотались по свету. Перед концом света новые культовые сооружения строились в нечеловеческих количествах, но почему-то никто особо не рвался реставрировать старые, брошенные и давно пришедшие в негодность. Видимо, дело было в том, что на строительстве нового храма можно было украсть гораздо больше денег, чем на реставрации уже имеющейся постройки, но Владик не знал этого наверняка, ибо не был силен в делах духовных. В любом случае, руины культовых сооружений никогда не рождали в нем никакого интереса.

Вот и в первый раз он лишь недолго полюбовался торчащей над лесом башней, и потащил воду к дому.

Ужас же грянул на следующий день, когда он вновь пошел за водой. Цент спал, сотрясая избу своим неистовым храпом, Машка листала журналы про моду и красоту, выясняя, в каких нарядах в этом сезоне зомби-худышки бродят по парижским подиумам. Спешить обратно Владу было незачем, и он, наполнив в роднике обе канистры, и подняв их по склону, решил прогуляться до разрушенной церкви, и посмотреть вблизи, что же это такое.

Как правило, Владик подобные рискованные авантюры не предпринимал, но в этот раз ему показалось, что бояться нечего. Так уж вышло, что после зомби-апокалипсиса самыми опасными местами стали города, а всевозможные глухие и безлюдные уголки, напротив, оставались островками спокойствия и безмятежности. Здравомысленно рассудив, что у него немного шансов встретить мертвецов возле церковных руин, Владик решился на ознакомительную прогулку. На самый крайний случай у него при себе был полностью заряженный дробовик. А на самый-самый крайний случай имелись ноги, которые легко унесут его от любой опасности. В это, во всяком случае, хотелось верить.

Владик преодолел ложбину, и стал неторопливо подниматься на пологий холм. Церковная башня, возвышающаяся над кронами деревьев, медленно приближалась, вырастая в размере. Церковь, судя по всему, со всех сторон заросла лесом, из чего можно было заключить, что место это не пользовалось никакой популярностью как у туристов, так и у местных жителей. Возможно, сюда иногда приходили играть дети. Несчастные дети, у которых не было компьютера и высокоскоростного интернета. Бедные дети, лишенные возможности с головой окунуться в виртуальную реальность, вынуждены были развлекать себя самостоятельно, лазая по всяким запретным и подчас опасным местам, вроде старых руин.

По мере приближения к церкви, Владик стал отмечать, что сюда, похоже, не наведывались даже дети-мученики, которым жадные родители не хотели покупать компьютер. Все подступы к руинам заросли высокой травой, а кое-где и кустарником. Не было никакого намека на дорогу или хотя бы тропинку. А ближе к сооружению темнел настоящий лес, и Владу совсем не хотелось входить под его кроны. Он, в общем-то, и не собирался. Как не собирался лезть в саму церковь. Здание, похоже, стояло в полуразрушенном состоянии многие годы, возможно, еще с начала двадцатого века, когда культовые сооружения как-то в одночасье вышли из моды. И рухнуть оно могло в любой момент, погребя под собой излишне любопытного туриста.

Продравшись сквозь кустарник, колючий и недружелюбный, нещадно царапающий ладони острыми шипами, Владик увидел ограду. Старую ограду, густо облепленную какими-то вьющимися растениями. Ограда уцелела фрагментарно, и большая ее часть, как понял Владик, либо развалилась сама, либо была демонтирована ушлыми людьми. Он решил дойти до ограды, и на этом завершить экскурсию. От блужданий по сырой траве у него до пояса промокли штаны, а все, что выше пояса, промокло от мелкого, но упрямого дождика. К тому же, в любой момент мог проснуться Цент, и захотеть чаю. Он всегда хотел чаю, когда просыпался. И страшно гневался, если сиюминутно не получал горячий напиток.

Владик стал пробираться к церковной ограде, глядя не вперед, а под ноги, дабы избежать контакта с колючими стеблями кустарника. В одном месте нога его почти по колено провалилась в какую-то то ли яму, то ли нору, и он едва не обзавелся серьезной травмой. Это происшествие окончательно убедило его в том, что с прогулкой пора закругляться. Но поскольку до ограды оставалось всего метров десять, Владик решил завершить экскурсию – зря, что ли, ноги выворачивал?

Он добрался до ограды. В этом месте она неплохо сохранилась. Правда, кирпичи потрескались и местами раскрошились, а кованый металл проржавел почти полностью. Владик остановился, глядя внутрь, где начинался настоящий темный лес. Он полностью скрывал здание церкви, и Владик испытал разочарование, осознав, что отсюда он ничего не увидит. А затем...

Вначале он не понял, что это. Какой-то камень правильной формы возвышался над травой. Чуть в стороне от него Владик заметил еще один такой же камень. А после, невольно вздрогнув, увидел потемневший, покосившийся на сторону, крест.

Это были могилы. Он смотрел не на церковный двор, а на кладбище.

Суеверный страх охватил Владика, но программист успешно обуздал его. Мертвецов, лежащих в могилах, бояться не стоило. Бояться стило тех покойников, что бродили по улицам городов. К тому же, судя по всему, этим могилам было уже более сотни лет, и от похороненных здесь людей давно уже ничего не осталось.

И, тем не менее, находиться в этом месте ему стало крайне неприятно. Владик уже собрался уходить, когда увидел в глубине кладбища надежно скрытое деревьями сооружение. Вначале он принял его за какой-то сарай или строжку, но, приглядевшись, с содроганием понял, что это. Склеп. Это был склеп.

Владиду стало не по себе, и он медленно попятился от ограды, крепко жалея, что глупое любопытство заставило его прийти в это нехорошее место. Не стоило этого делать. В нынешние времена любопытство могло очень дорого обойтись.

Владик сам не понял, что произошло, но вдруг он со всей ясностью ощутил на себе чей-то взгляд. Это ощущение оказалось столь сильным, что программист невольно вскрикнул. Он не мог этого доказать, но был твердо уверен в том, что кто-то по ту сторону кладбищенской ограды смотрит на него. Смотрит пристально, не отрываясь. И сила этого взгляда была столь велика, что Владик ощутил его на себе почти физически, будто то был не взгляд вовсе, а чье-то недоброе прикосновение.

Такого ужаса Владик прежде не испытывал никогда. Только что он стоял возле ограды, а спустя секунду уже летел вниз по склону, рассекая своим трясущимся от страха телом заросли колючего кустарника, и не замечая, как шипы ранят его беззащитные ладони. Он сбежал вниз, пересек лесистую ложбину, взобрался по крутому склону, схватил наполненные водой фляги и с ними побежал к дому. Бежал, а сам непрерывно оглядывался, ожидая увидеть позади себя все, что угодно. Но там никого не было.

Рассказывать Центу и Машке о пережитых ощущениях Владик не стал. Главным образом потому, что сам не был уверен в том, что они вызваны чем-то кроме его излишне богатого воображения. Ему даже удалось убедить самого себя в том, что все это ему просто почудилось, что никакого взгляда из склепа не было. Да и кто мог смотреть на него со старого кладбища? Притом смотреть так, что прихватило живот и едва не помutilо рассудок. Наверняка, сам все это и нафантазировал, поддавшись гнетущему впечатлению заброшенного погоста.

Таким манером Владик успокаивал себя, и даже практически успокоил, правда, ночью ему приснился сочный кошмар, заставивший кричать и плакать. Крик вызвало чудовищное сновидение, а слезы Цент, разбуженный воплями программиста.

В общем, Владик худо-бедно убедил себя в том, что с ним приключилась игра воображения. Но когда, на следующий день, он вновь пошел к роднику за водой, на подходе к ложбине его охватил такой дикий ужас, что страдалец едва не бросился наутек. Стоило ему увидеть полуразрушенную церковную колокольню, и живот скручивали мощнейшие спазмы. Голос рассудка полностью заглушался неистовым воплем страха – там что-то было. Что-то было! Ему не показалось!

И с тех пор каждый поход за водой оборачивался для Владика суровым испытанием. Первые разы были самыми жуткими. Владик был уверен, что как только он спустится в ложбину, так тут-то ему и конец – неведомое существо, наблюдавшее за ним со старого кладбища, набросится на несчастного программиста и сотворит с ним что-то ужасное. И даже дробовик его не спасет. Свинцовая картечь успешно работала против зомби, снося им головы и отрывая конечности, но то существо, присутствие которого он столь ярко ощутил, оно не от мира сего. Его не убить из ружья.

Затем стало чуть легче. Когда его не съели ни в первый, ни во второй поход за водой, Владик немного приободрился. Он решил так – даже если на старом кладбище и обитало нечто, оно, возможно, не прониклось к нему гастрономическим интересом. И, тем не менее, всякий раз идя к роднику, он буквально умирал от страха. Потому что тот факт, что его не съели до сих пор, ничего не значил. Позавчера не съели, вчера не съели, а сегодня возьмут, да и съедят.

Но вот сегодня, конкретно сегодня, у Владика был особый повод для беспокойства за свою жизнь. Потому что никогда прежде он не ходил к роднику так поздно. Ночь, конечно, еще не настала, до полноценной темноты было далеко, но вечерние сумерки уже сгущались вокруг него. А в голову вползали леденящие кровь мыслишки. Дескать, того-то и выжидали темные силы, когда ты, дурачок, пожалуешь к ним в гости после заката. Уж сегодня-то они тобой славно отужинают. Как набросятся, как накинутся, как вопьются зубами. Да, ты будешь кричать. Громко кричать. Но кто услышит твои предсмертные крики? Цент? Да он и услышь их, не поспешил бы на помощь. Машка? Да плевать той Машке на тебя с вавилонской башни. Сделает вид, что ничего не слышит, и продолжит листать свои журнальчики. А завтра поутру пойдут они тебя искать, да найдут твои обглоданные косточки.

Чем ближе Владик подходил к ложбине, тем больший ужас охватывал его. Он уже отсюда видел, что там, под деревьями, царит злоеший полумрак, и в тенях может прятаться все, что угодно. А ведь ему туда и надо. Прямо туда. Там журчит родник – единственный источник питьевой воды в этой проклятой деревне.

Метрах в двадцати от крутого склона, Владик замер, будто налетев на невидимую преграду. Полными ужаса глазами он смотрел на старую колокольню, что возвышалась над деревьями по ту сторону ложбины. В предзакатный час, на фоне затянувших небо туч, она выглядела злоешей башней, с вершины которой темные силы высматривают себе двуногую поживу.

И вновь Владика охватило страстное желание развернуть оглобли. В конце концов, ну поколотит его Цент, не получив ночью свой чай, и что с того? В первый раз, что ли? В какой-то степени Владик уже привык получать тумачи и выслушивать в свой адрес поток несправедливой критики и речей, унижающих его честь и достоинство. Ни ругань, ни подзатыльники не сведут его в могилу.

Но тут программист с ужасом подумал, что одними подзатыльниками Цент может не ограничиться. Он ведь может сделать еще кое-что. Например, отправить его за водой среди ночи. И уж эта ночная прогулка станет путешествием в один конец. Даже если темные силы и не устроят на него засаду, он помрет сам, без их вмешательства, просто от страха. Будет проходить мимо зарослей лопуха, а те как зашуршат на ветру, как зашуршат... И все, конец. Разрыв кишечника гарантирован. Так что лучше бы ему набрать воды сейчас, пока еще светло и у него есть хоть какой-то шанс на выживание.

Владик добрался до склона, сбросил вниз обе канистры и стал спускаться в ложбину по земляным ступеням. Эти ступени Владик прорыл собственноручно, дабы облегчить себе спуск и подъем. Без них восхождение по крутому скользкому склону, да еще с двумя канистрами воды, превращалось в крестную муку.

Он преодолел ступени, и оказался в ложбине, густо заросшей деревьями. Под ногами хлюпала вода – сюда, в низину, она стекала со всех окрестных возвышенностей. Будь дождь сильнее, и ложбину затопило бы полностью.

Подобрав канистры, Владик побрел по протоптанной им тропинке к роднику. По сторонам старался не смотреть, потому что стоило поднять взгляд, как за каждым деревом ему тут же начинали мерещиться злоешие темные силуэты. Владик попытался выкинуть из головы все мысли о чертовщине, и подумать о чем-нибудь приятном. Попытался, и не сумел. Ничего приятного в его жизни не осталось. Раньше были хотя бы компьютерные игры, а теперь только страх, ужас и Цент.

Родник представлял собой глубокую чашу, образованную врытым в землю чугунным котлом с отколотым днищем. Один край котла был сколот, и через тот пролом вода из чаши вытекала наружу. Родник был довольно бодрый, и как бы быстро Владик ни черпал из него воду, ему ни разу не удалось осушить котел полностью.

Поставив на землю канистры, Владик снял с них крышки, вооружился алюминиевым ковшом и стал торопливо наполнять емкости ледяной водой. Над его головой ветер раскачивал кроны деревьев, и в его завывании Владика слышались зловещие голоса. Стоило где-то неподалеку треснуть сухой ветке, как программист, вздрагивая, представлял себе, что это силы ада идут по его душу.

К тому моменту, когда он наполнил первую канистру, стало заметно темнее. Владик понял, что нужно ускорить темп, если он не хочет засидеться здесь до темноты. А он этого совершенно не хотел. Потому что в темноте сюда точно явится то существо, чей взгляд он ощутил у ограды старого кладбища. Ведь это существо видело его. Видело. И наверняка знало, что незванный гость тоже ощутил его присутствие.

Владик стал торопливо наполнять вторую канистру. Руки у него так сильно тряслись, что большая часть воды выплескивалась мимо горлышка. А ветер над головой шумел все яростнее, срывая с ветвей листья и обламывая мелкие сучки. И в его вое Владик почти расслышал слова. И они были страшны. Ветер пророчил ему ужасную гибель. Он кричал ему, что чудовище уже близко, что оно идет по его душу. Кошмарный монстр, от которого его не защитит дробовик, и не спасут быстрые ноги.

Владик кое-как наполнил половину второй канистры, и решил, что этого хватит. Он больше не мог находиться здесь. Если он продолжит возиться с водой, то точно умрет от страха. А до этого было недалеко. У него уже прихватывало сердце, а в кишечнике воцарилась настоящая вечная мерзлота.

Владик быстро поднялся с корточек, закрутил крышки на канистрах, взял их в руки и повернулся, чтобы идти по тропе к земляной лестнице. Повернулся и поднял взгляд.

Среди деревьев, скрытая по пояс высокой травой, в пяти метрах от него стояла черная фигура с белым овалом лица.

Канистры выпали из ослабевших пальцев. Глаза Владика полезли на лоб, а кишечник, из зоны вечной мерзлоты, стремительно превратился в вулканически активную область, грозящую неминуемым и обильным извержением. Программист попятился, онемев от ужаса. Он отчаянно пытался убедить себя, что это морок, видение, галлюцинация, но знал, что это не так. Черная фигура была кошмарной частью реальности.

Его нога вдруг провалилась в какую-то наполненную ледяной водой яму, и Владик понял, что он наступил прямо в родник. И это происшествие вывело его из ступора.

Владик распахнул рот. И закричал.

3

Владик не помнил, как он неистово метался по ложбине, врезаясь лбом в деревья и падая в кусты. Не помнил, как ломился вверх по склону, игнорируя расположенную рядом земляную лестницу. Не помнил, как бежал по тропе мимо невозделанных огородов. Его разум слегка прояснился лишь в тот момент, когда он добрался до навозной кучи, поросшей высокой крапивой.

Владик поскользнулся и упал на четвереньки. Он был весь в грязи, лицо болело от многочисленных столкновений со стволами деревьев. Канистры с водой остались у родника. Там же остался ковшик. А еще где-то по пути он потерял дробовик. Но все это не волновало Владика в настоящий момент.

Повернув голову, он бросил взгляд на навозную кучу, и ему почудилось, что та вспучивается, будто из-под нее пытается выползти что-то большое и жуткое. Владик перевел взгляд на лопухи, и ему показалось, что из-под больших зеленых листьев на него пялятся полные нечеловеческой злобы глаза. А затем, сквозь вой ветра и шум дождя, Владик расслышал за своей спиной тихие шаги.

Он не стал оглядываться. Его бедное сердечко не выдержало бы повторного созерцания чудовища. Взяв низкий старт, Владик помчался дальше, мечтая лишь об одном – живым добраться до дома.

Когда он вбежал во двор, то услышал где-то поблизости замогильное завывание. Ужас неистовый объел страдальца, и у того подломились ноги. Владик упал в грязь, и только тогда сообразил, что источником воя является сидящий в погребке Ивашка.

Он вновь вскочил на ноги, добежал до крыльца, схватился за ручку двери и дернул ту на себя. Дверь не открылась.

Владик дернул еще раз. И еще. И только тогда сообразил, что она заперта изнутри.

Кто мог запереть ее? Разумеется, добрый друг Цент. Наверное, изверг счел забавным оставить программиста ночевать снаружи. И в иной ситуации Владик, возможно, побоялся бы стучать, из страха навлечь на себя гнев терзателя. Но сейчас он и думать забыл об этом гневе. Кулаки его яростно забарабанили по поверхности двери, а изо рта хлынул истошный крик:

– Впустите меня! Впустите!

Ивашка, слыша его вопли, вторил им громким зловещим воем.

Минут пять Владик колотил кулаками по двери, каждую секунду ожидая, что силы ада вот-вот доберутся до него. Он представлял себе, как черная фигура с бескровно-белым лицом бесшумно появляется за его спиной, кладет руку на его плечо, и тихим голосом произносит:

– Программист, программист, я тебя съем.

Через пять минут за дверью зазвучали шаги и недовольное ворчание. Затем прозвучал голос Цента:

– Кто там?

– Это я! – истошно завопил Владик.

– Я – это кто?

– Это Владик! Владик! Пусти меня скорее!

– А как докажешь, что это ты? Потому что меня еще в детстве научили незнакомым дядькам и теткам дверь не открывать. Особенно теткам. Тетки, они такие. Их только пусти в дом. Не успеешь опомниться, как ты уже женатый подкаблучник, а тетка на тебя орет и все время указывает, что делать.

– Господи! – взвыл Владик. – Открой! Прошу!

– Надо бы нам разработать какую-то систему паролей-отзывов, – из-за двери произнес Цент. – Например, ты говоришь – «Владик», а я говорю – «бит по почкам». Или ты говоришь – «Владик», а я говорю – «долго не протянет».

Вадик действительно чувствовал, что долго он не проживет. Особенно, если изверг не прекратит издеваться и не отопрет дверь в самое ближайшее время. Ведь ужасный монстр может нагрянуть сюда в любую минуту.

– Открой! – стонал страдалец. – За мной гонятся.

– Кто? – спросил Цент. – Зомби? Ты притащил сюда мертвецов? Если так, то оставайся снаружи, вместе с ними. Потому что я сегодня гостей не жду.

Владик упал перед дверью на колени, и слезы хлынули из его глаз. Темные силы и вполнину не были бы так страшны, если бы им не подыгрывал Цент.

– Кто там? – услышал Владик голос Машки. – С кем ты разговариваешь?

– Да кто-то постучался, – ответил ей Цент. – Аресом, должно быть, ошиблись.

– Это я! – завопил Вадик, срывая голос. – Машенька, это я!

– Там же Владик! – опознала его Машка. – Впусти его.

– А стоит ли? – усомнился Цент.

– Ну, не снаружи же ему ночевать.

Цент что-то проворчал, кажется, удивлялся, в силу каких причин программист не может скоротать ночь на свежем воздухе, но дверь все-таки отпер. Едва та запахнулась, как Владик ворвался внутрь, едва не сбив с ног бывшего рэкетира.

– Мать моя! – невольно вырвалось у Цента.

– Господи! – ужаснулась Машка. – Владик, что с тобой?

– Закройте дверь! – вопил программист, дико вращая безумными от ужаса глазами. – Закройте ее и запирайте на все засовы! Скорее!

Слегка напуганный ужасным видом программиста, Цент поспешил сделать так, как тот просил.

– Владик, что случилось? – допытывалась Машка.

Владик выглядел кошмарно. Вся его одежда была в грязи, лицо и ладони тоже. На физиономии красовались свежие синяки и царапины, но более всего пугали его глаза. Эти глаза словно бы заглянули куда-то по ту сторону ужаса, прямо в ад, в бездну, где обитают кошмарные монстры, способные лишить любого человека рассудка одним своим ужасающим видом. Программиста безостановочно трясло, а еще от него исходил резкий запах вулканического происхождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.